

«ЖИЗНЬ МНЕ САМА НАЗНАЧАЛА МЕСТА

– признался мне народный артист России, актер театра и кино Евгений Леонов-Гладышев, с которым, в свою очередь, мы долго не могли встретиться по разным обстоятельствам: то у Евгения Борисовича репетиции нового спектакля, то гастроли в Армении, то съемки нового кино, то дела общественные призывали его как председателя Гильдии киноактеров Санкт-Петербурга... Но когда мы, наконец, встретились, то я была вполне вознаграждена, и очень надеюсь, что наши читатели тоже будут вознаграждены, потому что искренность интонаций актера вызывает симпатию, а его жизненная позиция – уважение.

Мы говорили о разном и о многом: о временах и нравах, о любимых ролях и сыгранных фильмах (ролей более 70-ти, а главных на экране сыграно что-то около 30-ти), о превратностях актерской судьбы и, наконец, накануне российского Дня кино, который мы отметили 27 августа, говорили о том, почему «из всех искусств важнейшим является кино»...

– Не забываете, – уточнил Евгений Борисович, – что очень важно продолжение этой фразы у Ульянова-Ленина: «Из всех искусств важнейшим является кино и цирк»!

КОРР: Но вы ведь выбрали именно кино!

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Да. Вначале было кино. Вы знаете, что я вам скажу? Кинематограф – великое искусство, но театр значительнее. Кино – это искусство подробностей и деталей, кино – искусство фрагментарное. Сегодня снимается финал, а завтра снимается начало роли. А театр – это когда нет команды «стоп» и нет команды «начали», и если есть хорошая драматургия и режиссура, начинаешь понимать, что я действительно веду за собой зрителя, я его чувствую осязаемо почти, я проживаю роль от начала до конца на одном дыхании. В кино этого, к сожалению, нет. Хотя кино я, конечно, люблю, жизни без него не представляю, но был период, когда мне казалось, что кино, настоящее кино, – кончилось.

КОРР: Многим кажется, что эра плохого кино продолжается, а эра милосердия так и не наступила.. Кстати, роман братьев Вайнеров, по которому был поставлен очень известный фильм, ведь так и называется «Эра милосердия», и наш гость – народный артист России Евгений Леонов-Гладышев сыграл в этом фильме всех времен и народов (во всяком случае, я не встречала человека, который бросил бы камень в кинофильм «Место встречи изменить нельзя»), сыграл роль небольшую, но очень запоминающуюся. Молодой оперативник Вася Векшин – это наш сегодняшний гость. Кстати, знаете, Евгений Борисович, вы мало изменились: у вас глаза молодые, и улыбка та же самая, вы легко узнаваемы...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Вы знаете, Лев Николаевич Толстой как-то сказал замечательно: «Трагедия старости не в том, что стареешь, а в том, что остаешься молодым». Почему-то великий писатель и философ считал несоответствие дряхлеющего организма и молодости души драмой. А я позволю себе не согласиться с писателем Толстым, потому что человек, занимающийся нашей профессией, несмотря на возраст, посевшую голову, одышку и различные болезни внешнего и внутреннего характера, обязан сохранить юношеский задор, свежесть восприятия жизни. Великий Мастер, потрясающий актер Василий Васильевич Меркурьев уходил из жизни стариком, но до последнего дня ревновал свою супругу Ирину Всеволодовну Мейерхольд, дочь всемирно известного театрального режиссера Всеволода Мейерхольда. Такая вот была жажда и любовь к жизни и к женщине.

КОРР: В.В.Меркурьев и И.В.Мейерхольд – это ведь ваши учителя, это ведь Ленинградский институт театра, музыки и кино. Причем, звездный такой курс у вас был...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Да, народные артисты Сергей Паршин, ведущий актер Александринки, Михаил Боярский и Николай Буров – это наше поколение. У нас училась Марина Неелова, мы бегали на ее спектакли...

КОРР: В общем, хорошая компания. В хорошей компании вы оказались и в кинофильме «Место встречи изменить нельзя», о котором я все-таки хотела поговорить чуть подробнее. Я читала, что режиссер Станислав Говорухин вроде бы даже планировал вас на роль Володи Шарапова, и вы делали пробы, хотя в это время снимались в Одессе тоже в каком-то хорошем сериале...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Не совсем так. Дело в том, что Говорухин пробовал на роль Шарапова нескольких исполнителей, в том числе и меня, он все искал новое лицо, все пытался нащупать эту возрастную разницу в связке «Жеглов-Шарапов», все искал, как они будут лучше «монтировать», говоря нашим профессиональным языком. Высоцкий, как вы помните, был худощав, совсем невысокий, можно сказать, небольшого роста, ну а если Шарапова делать еще меньше, это не очень выразительно с кинематографической точки зрения. На роль Шарапова пробовали и Александр Абдулов, и Сергей Никоненко. И я, в том числе, совсем еще молодой, «зеленый» актер.

Меня просто элементарно не утвердил худсовет, потому что в соревновании с Конкиным, уже

сыгравшим Павку Корчагина, я проигрывал. Там уже было имя, а я был только начинающим актером, хотя разница между нами всего два года.

КОРР: Но вы уже в пяти фильмах до того сыграли, насколько я помню. И на предмет запоминающихся лиц... Казалось бы, у вас там небольшая эпизодическая роль молодого оперативника, погибшего бесславной, в общем-то, смертью... Я думаю, мы «Место встречи...» смотрели всей страной не один раз, и мне вот этот Вася Векшин на скамеечке... – после того, как его ножом пырнули, говоря языком таким блатным, вот мне лицо это с первой встречи с кинофильмом врезалось в память. Вот бывают какие-то моменты запоминающиеся, я не знаю, почему...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Вася Векшин остался в памяти по одной простой, на мой взгляд, причине, – дело в том, что сегодня, когда мы видим на экранах штабеля трупов, море крови, – это никого уже не трогает, стало настолько обыденным, что просто страшно. А здесь финал этого эпизода, настолько пронзительно-убийственно действует на зрителя, что, скорее всего, этим и запомнился – вот только что он шел с мороженым в руке, оглядывая проходящих мимо девушек, это кашне его белое, оно называлось «офицерское». Весь эпизод, такая территориально маленькая роль, каких-то две-три сцены... и все! Поэтому замыкалось все на внешней стороне этого персонажа – на костюме (кстати, мне Владимир Семенич Высоцкий такую деталь, как белое кашне, подсказал), и на его пластике. Как он идет по Цветному бульвару в Москве, как он рассматривает людей, как радостно и с упоением ест мороженое, – изголодавшийся мальчишка-детдомовец, не попавший на фронт, к сожалению... А я уже домывал этот персонаж, как он идет и радуется летнему солнцу!.. В памяти зрителя остались все эти детали и подробности...

КОРР: И, наверное, поэтому так жаль этой, такой молодой, так рано загубленной предательской заточкой жизни. Евгений Борисович, а вообще вы любите играть в эпизодах?

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Нет маленьких ролей – есть маленькие актеры. Раньше я не был избалован эпизодами, я снимался в двух, а то и в трех главных ролях в год.

Сегодня, как я шучу, «скатился» до эпизодов. Но зачастую эпизод может быть намного интереснее того или иного героя сегодняшнего сериала, где его коротенькая биография «размазывается» на 12 серий, и вот он «болтается», извините за грубое слово, в кадре, ничего не несет, никакой эмоции! И актер зачастую в этом и не виноват, ему просто нечего играть! А у меня всего-навсего эпизод либо небольшая роль, и я ставлю перед собой задачу сделать его запоминающимся. Вот я в кадре с главным героем, и моя задача – переиграть его! Переиграть так, чтобы этот генерал в штатском запомнился какой-то своей необычной чертой. Это уже моя профессиональная кухня. Вот как-то курит он необычно, странно, или он посылает людей на задание и почему-то прихлебывает чай – привычка такая армейская. Я видел таких генералов в Афганистане... запоминающихся.

КОРР: Вы были в Афганистане?

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Да, я был в Афганистане, – естественно, как актер, а не как солдат. Полтора месяца. Мне хватило... Я видел таких генералов! Нас принимал командир сороковой армии Громов, потом генерал Военно-воздушных сил, 37-летний парень. Просто настоящий герой. Так что я уж таких видел генералов, боевых.

КОРР: И самому вам пришлось их переиграть немало, людей военных и вооруженных. И я вам хочу задать вопрос, может быть, даже и неприятный, исходя из предыдущего вашего монолога, неприятный в целом для кинематографа: вот скажите, а вообще таким актерам, как вы, есть что играть в современном кино, если речь не только о закрытых показах, которые идут после 12-ти ночи с Александром Гордоном?

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Я вам скажу, прежде всего, как актер, который учился и снимался у Андрона Кончаловского, у Себастьяна Лакрона, у Сергея Никоненко... Сегодня у нас ведь «продюсерское кино». Продюсер, допустим, бывший гинеколог, может выкинуть со съемочной площад-

ки режиссера-постановщика, поменять всех актеров, потому что он сам занимается кастингом актеров, привести девушку и сказать, вот она у меня будет сниматься и ее съемочный день будет стоить три тысячи долларов. У меня выбор ролей невелик, потому что я не девушка, и мне 57 лет. Естественно, надо перестраиваться на роли другого возрастного ценза. Я наигрался уже героев: романтических, молодых, социальных – разных! Понимаю, что сегодня удивительно интересно играть острохарактерные роли, людей с чувством юмора, обладающих иронией и самоиронией, а сегодняшний кинематограф, его репертуарный портфель настолько узок, и нет возможности его поменять...

Реальная жизнь не дает возможности отказываться от того, что тебе не мило, – так что не повлиять. А если учитывать, что наш кинематограф даже до кризиса не достиг мощностей советского периода, то сейчас и подавно не о чем говорить. Замерло все, встало. Актера спасет только театр. Так получается.

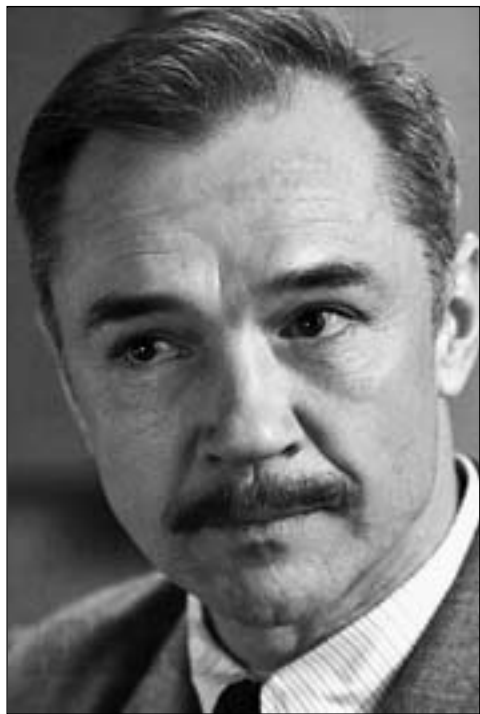
КОРР: Евгений Борисович, вы ведь человек общественный, возглавляете Гильдию актеров кино Санкт-Петербурга. Эта организация как-то может влиять на состояние кинематографа в России. Съезд кинематографистов что-то решает? Вот вы ведь наверняка были на последнем скандальном съезде?

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Я принимал участие во многих съездах Союза кинематографистов СССР и России, был на историческом V съезде, потом даже перечитывал стенограмму, всю эту чушь, которую несли великие кинематографисты. Меня это задает по одной простой причине: во-первых, если Союз будет распуцан, то мне будет стыдно перед предыдущими поколениями кинематографистов, которые не одно десятилетие строили эту организацию, и она была очень сильной и могучей. Но... все течет, и все меняется. Союз перестал влиять на кинопроцесс, кинематограф стал частным. Союз перестал заниматься авторскими правами, юридической защитой кинематографистов, никто этим не занимается по большому счету, если только не ты сам. Услуги адвоката – дорогостоящие, бандиты – серьезные люди, но если ты сам этим не займешься, то никому до тебя нет дела. Вот я совсем недавно этим и занимался, не буду называть картину и продюсера, как говорится, Бог им судья. Но я честно отработал и закончил съемки давным-давно, а денег никто не собирается платить мне и моим коллегам, а суммы приличные, я могу их получить, заплатить 13 процентов государству, и, как говорится, «спать спокойно»... Кидают нашего брата, актера, кидают только так!

КОРР: И тем не менее, я прочла в одном интервью, где вы говорите: «Ну, что нам кризис? Дом построен, машина есть, квартира есть, ну что нам, дескать, кризис? У нас все есть!»

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Мои слова! Но, простите, в какой-то степени лукавил, ну пошутил! Дом надо содержать, и это ведь не вилла, а просто хорошая, любимая дача, которая мне нравится. Трехкомнатная квартира, которую я купил за честно заработанные деньги. Машина? У меня не «хаммер», но все, что надо, у меня есть, это правда. Домов ни на Мальдивах, ни в Лондоне нет. Я себя отлично чувствую без личных самолетов и яхт, я сплю спокойно.

Но если уж говорить серьезно, то парадоксальность ситуации, на мой взгляд, заключается в том, что для народа, да и для правительства, для президента, все мы – артисты балета, театра кукол, артисты театра и кино, цирка, – все мы представляем великую и обласканную армию АРТИСТОВ. Но есть маленький нюанс, поймите меня правильно и поверьте в мою искренность, я не завидую, а возмущаюсь несправедливостью, потому что артисты драматических театров и даже кино – они нищие, по сравнению с так называемой «попсой» российской эстрады. Нищие! И когда наш президент удивляется, когда уходит из жизни очередной великий актер, – вот только что ушел Семен Фарада, и выясняется, что похоронить-то достойно не на что! Как так!? Как такое может быть? Все объясняется просто: не работает закон об авторских правах. Вот если бы были хотя бы небольшие отчисления, в том числе и мне на про-

тяжении этих 30-ти лет, что не сходит с экранов «Место встречи изменить нельзя», то тогда бы я не думал о своем будущем со страхом. Главных ролей без малого 30, если бы были отчисления с проката, хватило бы и мне, и детям...

КОРР: Кстати, о детях и о женах. Прочла ваше признание, что вы очень счастливы в своем втором браке, воспитываете падчерицу...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Татьяна, моя вторая жена, – это мои «тылы». Она никакого отношения ни к кино, ни к театру не имеет, но она самая лучшая жена, и я действительно счастлив. Но я с первой супругой прожил не мало, и никогда не терял связи с сыном от первого брака. Он у меня единственный и любимый, и мы очень дружим...

КОРР: То есть, все хорошо и достойно, и вы не являетесь «пищей» для желтой прессы, потому что писать им о вас нечего...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Я вам даже больше скажу – вот все то, что приходится сейчас смотреть по ТВ, по разным каналам, когда люди ругаются, дерутся, судятся, даже убивают друг друга из-за комнаты, из-за этих поганых квадратных метров, родители ненавидят своих детей, дети ненавидят родителей... Для меня это просто дико! Дико, потому что я много езжу по стране и встречаюсь со своими зрителями, самыми обычными людьми, хожу к ним в гости, – так вот, сотни тысяч россиян живут счастливо, без потрясений, очень скромно, но достойно. Наш народ, я так думаю, сохранил очень хорошее, здоровое нутро, духовное здоровье, которое не вытравишь никакими телепередачами.

А вот когда смотришь наши программы – такое ощущение безнадеги, сплошной чернухи, и думаешь: ну почему такой скудный репертуарный портфель у наших телевизионных каналов? Ведь ими зачастую управляют люди, вышедшие из очень хороших, образованных семей, не будем называть фамилий...

КОРР: Кстати, что касается вашей двойной фамилии, она ведь у вас появилась после кинофильма «Сибиряда»?

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Да, стали верстать титры, и Андрон Кончаловский, режиссер этого кино, обратился ко мне: «Женя, надо что-то предпринимать, давай придумаем псевдоним». Казусов к тому времени уже было довольно много. Допустим, готовится рекламная полиграфия, в главной роли я снимался. Прокатчики смотрят: «О, в главной роли Евгений Леонов!» А Леонов, к тому же Женя – да не тот! И я взял по совету Андрея Сергеевича Кончаловского девичью фамилию мамы, вот и получилась такая длинная фамилия, с которой я уже много-много лет не расстаюсь...

КОРР: А почему вообще стали актером, Евгений Борисович, кто-то в семье актерствовал? Что вас к этому подтолкнуло?

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Подтолкнула профориентация, нас так сориентировали в школе-интернате. Мама с папой расстались, когда мне было 7 лет, младшему брату – несколько месяцев от роду. Но вы знаете, мы сохранили очень хорошие отношения с отцом, приезжали на все его юбилеи, знали всех его последующих жен и детей, и все мы были как одна семья. Я главный был в этой мафии семейной, потому что старший.

КОРР: «Мафия – это просто семья»...

Е. ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ: Да. Так вот, у нас в интернате был драматический кружок. Это лучшие годы моего детства – интернат № 10 Невского района и пионерский лагерь. Наверное, сегодня эти спецучреждения несколько другие, а тогда это